

© 2016 г.

М.П. АЙЗЕНШТАТ

ПАРЛАМЕНТСКИЕ МАТЕРИАЛЫ БРИТАНИИ XVIII–XIX веков. ЗАПРЕТЫ И ПРЕОДОЛЕНИЯ

Изучение широкого круга проблем, раскрывающих понятие “книжная культура прошлого”, предполагает обращение к разноплановым сюжетам истории создания текста, его публикации, распространения, чтения и т.д. В статье рассматривается не только книжная, но и журнальная, газетная, памфлетная культура Британии XVIII–XIX вв., которые будут рассмотрены в контексте публикации парламентских материалов. Освещение обозначенного аспекта книжной культуры предполагает необходимость кратко остановиться как на истории прессы, так и парламента, не углубляясь при этом в отдаленные события. Обращение к истории парламента является давней традицией британской историографии, начало которой было положено антиквариями XVI в. История британской прессы привлекла внимание профессионалов лишь в XX в.¹ В научной литературе освещались отдельные вопросы, связанные с публикацией парламентских прений, однако специальные работы по этой теме отсутствуют. Тем не менее благодаря сохранившимся коллекциям газет, журналов, переписки и сочинений современников, а также проведенным исследованиям ученых, избранный аспект истории книжной культуры позволит наиболее полно изучить ее место в жизни британского общества.

Газеты появились в качестве информационных листов. Конфликт Карла I с парламентом положил начало использованию печатного слова в ином ракурсе. Обе стороны стали апеллировать к обществу отстаивая правоту собственной позиции. Вплоть до Реставрации Стюартов за это сложное в истории королевства время появилось не менее 200 газет, срок существования которых был непродолжителен. Между тем потребность общества в получении новостей возростала. Об этом свидетельствует следующий любопытный факт, а именно выхода в свет 8 новых газет в Лондоне. Они появились на следующий день после того, как Яков II Стюарт покинул столицу, получив известие о высадке Вильгельма Оранского и его войска на британской земле. С этого времени число газет стало расти. В 1702 г. появилась первая ежедневная газета, а с 1810-х годов конкуренция вынудила некоторых издателей переехать вместе с типографиями в наиболее крупные города провинции. Со второй половины столетия шло развитие шотландской прессы, в Уэльсе в основном распространялась английская периодика².

Возрастание числа и тиражей газет и журналов на протяжении XVIII в. теснейшим образом было связано с усилением деловой активности, разрастанием связей с колониальными владениями, наконец, той чередой войн, в которых участвовала Британия в Европе и за морями. Купцы, биржевые брокеры, финансисты и производители

Айзенштат Марина Павловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

¹ The Newspaper Press Directory. London., 1907; *Aspinall A.* Politics and the Press. 1780–1850. London, 1949; *Craig M.E.* The Scottish Periodical Press, 1750–89. Edinburgh, 1931; *Cranfield G.A.* The Development of the Periodical Newspaper. Oxford, 1962, etc.

² *Colley L.* Britons. Forging the Nation 1707–1837. New Haven – London, 2005, p. 41.

нуждались в оперативной информации. В ее получении были заинтересованы и семьи тех, кто уехал по делам за пределы страны, кто ушел на войну и т.д. Газеты были востребованы не только в кругу семьи. В их распространении значительную роль сыграли кофейни, популярность которых увеличивалась с конца XVII в. Печатная продукция лежала на столах, посетители имели возможность не только читать, но и обсуждать новости.

Развитию печатного дела способствовали законы, принятые после Славной революции. Среди них нужно отметить принятие акта о свободе совести, а также отказ от продления закона о цензуре. Это было важное событие для общества в целом и издателей, в частности. Политические изменения сопровождало значительное увеличение числа газет в столице и в регионах, их выпуск регулировался Лицензионным актом. Наряду с другими ограничениями сохранялся запрет на публикацию сведений о парламентских прениях.

Годы царствования Вильгельма III Оранского отмечены дальнейшим укреплением парламентского образа правления и зарождением новых традиций. Отныне парламентские сессии проходили ежегодно, начинаясь глубокой осенью или в январе–феврале, и завершались весной. Установилась традиция посланий короля к парламенту в начале каждой сессии, в них монарх характеризовал ситуацию в Европе и обозначал круг законов, которые должен был рассмотреть парламент.

На протяжении XVIII столетия происходило укрепление парламентской практики в жизни общества. Сначала тори, а затем и виги приняли два закона, определившие вектор ее развития. Тори повысили имущественный ценз пассивного избирательного права, связав его с обладанием земельной собственностью. Тем самым депутатский корпус быстро превратился в собрание дворянства, так как значительный слой представителей среднего класса был отстранен от участия в работе парламента. А виги продлили срок его полномочий до семи лет. Благодаря наличию мелких избирательных округов – так называемых “карманных” местечек – земельные магнаты и правительство имели возможность контролировать ход выборов и влиять на их результаты. А обладание несколькими округами позволяло лордам формировать собственные группировки в нижней палате. Их число порой доходило до 40–60 человек, это были младшие сыновья пэров и баронов, а также представители мелкопоместного дворянства, которые отстаивали интересы своего патрона. Таким образом, складывалась зависимость нижней палаты от лордов и кабинета министров. Ход обсуждения законопроектов и вотирования налогов были, по сути, скрыты от избирателей и общества. Публикация законов осуществлялась после окончания сессии. На протяжении сессии информация о прениях была возможна только с разрешения спикера лишь в проправительственных изданиях. Тем не менее какие-то сведения о том, что происходило в обеих палатах, порой появлялись и в других газетах. Попытки неофициально (т.е. без разрешения спикера) обнародовать во время сессии любые сведения о прошедших дебатах немедленно пресекались, издателей ждали судебное преследование, высокие штрафы, тюремное заключение. Социальный состав нижней палаты, отсутствие данных об обсуждении биллей позволили современникам, а затем некоторым исследователям сравнивать парламент XVIII столетия с корпорацией или клубом. И всё же сведения о заседаниях и позиции ораторов просачивались за стены парламента благодаря развитию печатного дела и распространению грамотности. В то же время необходимо учитывать и возможность попасть на заседания посторонним, т.е. не членам депутатского корпуса. Поначалу это происходило благодаря подкупу служителей палаты, но уже в середине столетия численность “аутсайдеров” увеличивалась. Так, Г. Уолпол упоминает о посетителях, стоявших на галерее³.

К середине XVIII в. утвердилась практика публикации произнесенных речей ораторами, при этом побудительные мотивы таких поступков были различны. В первые десятилетия после Славной революции, когда набирало силу противостояние вигов

³ *Walpole H. The Letters of Horacio Walpole, Earl of Oxford, v. 2. London, 1840, p. 375.*

и тори, и они в отличие от последующего периода часто сменяли друг друга у власти, парламентарии начали на свой страх и риск издавать произнесенные речи в форме памфлетов. Скорее всего, это было продиктовано желанием показать избирателям собственную позицию по какому-либо вопросу, а на следующих выборах сохранить место в парламенте⁴. На протяжении XVIII и первой половины XIX в. высоко ценилось ораторское искусство. Наиболее удачные выступления парламентариев стремился обнародовать — издать его отдельной брошюрой. Отмечен случай, когда после преждевременной смерти молодого талантливого представителя парламентского корпуса, друга собраний и издали тексты его выступлений. А позднее Э. Бёрк опубликовал свою речь, посчитав, что ее содержание газетные отчеты передали неточно. Однако такие публикации осуществлялись довольно редко, а в XIX столетии потребность в них отпала.

Помимо публикаций в газетах необходимо упомянуть и краткие сведения о парламентских прениях в журналах. Так, возвратившийся из эмиграции Болингброк приступил к изданию оппозиционного журнала “Craftsman”, который носил выраженную политическую окраску. На его страницах велась критика политики Р. Уолпола, формировалась идеология тори⁵. А с 1731 г. Эдуард Кейв приступил к изданию “The Gentleman’s Magazine”. Ежемесячный журнал был предназначен издателем для освещения новостей и комментариев на любую тему: от поэзии до экономики. Если поначалу лишь публиковалась информация об открытии или закрытии сессии, то с 1732 г. появились более подробные сведения о парламентских дебатах завуалированного характера. Стремясь избежать наказания за обнародование прений, Кейв озаглавил эти материалы как “Ведение дел в нижнем зале Общества Робин Гуда и Прения сената Лилипутии”, а фамилии ораторов обозначались несколькими буквами. Среди первых “корреспондентов” был будущий литератор Самуэль Джонсон. Его отчеты не являлись точным воспроизведением произнесенных речей. Скорее, автор описывал то, что ораторы хотели (по его мнению) или могли бы сказать. Несмотря на это обстоятельство, журнал пользовался большой популярностью. Таким образом, если в средние века власть нуждалась в сведениях, поступающих от общества (их роль играли петиции, направлявшиеся со всех концов королевства), то к середине XVIII в. явно возросла потребность общества в информации о действиях властей. По словам Дж. Стокдейла, подготовившего издание всех парламентских публикаций Джонсона, “люди, которые выбрали своих представителей в парламент и высказали им свои требования, имели право знать, что они говорят [в палате]”⁶.

Однако власти следили за прессой и жестко преследовали за нарушение запретов. Наиболее ярким случаем такого преследования стало “дело” Джона Уилкса. Будучи членом парламента в 1762 г. при поддержке оппозиционных вигов он основал газету “North Briton”. В 45-м номере Уилкс подверг критике кабинет за подготовленную министрами тронную речь короля. Георг III расценил выпад журналиста как критику своей персоны и повелел арестовать редактора и автора статьи. Несмотря на депутатскую неприкосновенность, Уилкса отправили в тюрьму, а номер газеты был конфискован. Действия властей вызвали возмущение в обществе и спровоцировали движение в поддержку журналиста под лозунгом “Уилкс и свобода”⁷. Только в конце 1760-х годов Уилкс был оправдан, а в 1774 г. избран лорд-мэром столицы и вновь стал членом парламента.

Ситуацию, сложившуюся во взаимоотношениях парламента и прессы, переломил политический кризис. Он был связан с обсуждением в парламенте в 1770 г. вопроса о Фолклендских островах. Эти острова считались владением Испании, но не были заселены. В 1764 г. на одном из них британцы основали поселение. В феврале 1770 г.

⁴ Johnson S. *Debates Parliament*. London, 1787, v. 1, p. IX.

⁵ Айзенштадт М.П. Британский парламент и общество 1750–1850 гг. М., 2009, с. 46.

⁶ Johnson S. *Op. cit.*, p. IX.

⁷ Подробнее см. Семенов С.Б. Политические взгляды английских радикалов XVIII века. Самара, 1995.

испанцы вынудили их покинуть остров. В конце осени в Лондоне разразилась политическая буря. Некоторые политики утверждали, что задеты национальные интересы и престиж страны. Конвенция о мирном урегулировании конфликта стала предметом острого обсуждения в парламенте в январе 1771 г. Оппозиция попыталась воспользоваться шансом для смещения главы кабинета лорда Норта. В этих целях они привлекли прессу, передав информацию в “The Gazetteer and New Daily Advertiser” и “The Middlesex Journal, or Chronicle of Liberty”, вызвав этим шагом гнев правящей элиты. Король посчитал разгоравшийся конфликт удобным поводом для расправы с газетчиками. Однако издатели не являлись на суд парламента, укрывшись в Сити⁸. В обществе попытка судебного преследования издателей была воспринята как удар по свободе слова и правам граждан. Появились критические статьи, где обсуждались действия палаты и кабинета министров⁹. Городские власти Лондона выступили на стороне издателей. И тогда в марте 1771 г. по распоряжению правительства были арестованы лорд-мэр столицы Кросби и олдермен Оливер, что свидетельствовало о поражении власти в конфликте с издателями.

Узники вышли на свободу лишь после окончания сессии парламента. Их встречал весь городской совет и многочисленные жители Лондона, превратившие это событие в яркую демонстрацию своих чувств. Ее дополнили салют, иллюминация и разбитые окна в домах лордов, наиболее активно выступавших на стороне правительства. Те же действия толпы сопровождали освобождение из тюрьмы Дж. Уилкса до того, а также Ф. Бердета позднее¹⁰. Эти события позволяют нам утверждать следующее. Городские жители были осведомлены о позиции по всем важным вопросам наиболее заметных членов обеих палат. И здесь можно высказать весьма обоснованное предположение, что наряду с другими источниками информации население столицы получало сведения от домашних слуг. В домах аристократов проживало значительное число челяди (горничных, камердинеров, камеристок, фореиторов, секретарей, воспитателей и т.д.). Все они были в курсе жизни хозяев, нередко меняли место работы и вполне могли обсуждать их дела с друзьями и соседями, распространяя сведения о парламентских дискуссиях.

Таким образом, с начала 1770-х годов право прессы печатать полностью прения палат не оспаривалось парламентом, однако официально оно не было закреплено законом. И со следующей сессии редакторы лондонских газет начали посылать в парламент своих корреспондентов, которые вели записи дебатов. Расположившихся в галерее Вестминстера журналистов в насмешку стали называть “четвертой властью”, поскольку монарх, палата лордов и палата общин издавна в Англии рассматривались как олицетворение трех ветвей верховной власти королевства (кстати сказать, власть прессы политики признали уже на рубеже 1820–1830-х годов, когда прозвище утратило иронический смысл). Поздно вечером, а то и ночью материалы поступали в типографии, и утром можно было прочесть о прошедшем накануне заседании. Обычно отчеты содержали ошибки и неточности, так как журналисты не всегда успевали записать выступление оратора, в шуме голосов что-то могли и не расслышать, просто пропустить. Тем не менее лондонские репортажи перепечатывали провинциальные газеты. По подсчетам исследователей истории прессы Британии, во второй половине XVIII в. помимо Лондона ежегодно издавалось от 33 до 35 газет. А общий тираж столичных и провинциальных газет превысил 11 млн. На рубеже 1770–1780-х годов публикация газет начинает приносить ощутимую прибыль издателям. В столице в среднем она колебалась от 1 тыс. до 2 тыс. ф. ст., а в 1780-е годы достигала 10 тыс. ф. ст. в год. И это являлось побудительным мотивом для дальнейшего увеличения числа

⁸ The Parliamentary History of England, v. 17. London, 1813, p. 71, 72, 74.

⁹ Попытка привлечь издателей к ответственности также не увенчалась успехом. — Ibid, p. 75–77.

¹⁰ Айзенштам М.П. Британия нового времени. Политическая история. М., 2007, с. 77–96.

газет¹¹. Так новости распространялись по стране, становились предметом обсуждения в кафе, клубах, домах¹².

О значимости этих публикаций для общества свидетельствует следующий факт. В соперничестве двух ведущих лондонских газет начала XIX в. — “The Times” и “The London Chronicle” — победила первая. Именно редактор “The Times” в 1810-е годы стал посылать на заседания парламента стенографистов. Благодаря этому отчеты газеты стали более точными и достоверными, что и привлекло на ее сторону читателей. А это отразилось на прибыли владельца, она в три раза превысила доходы, приносимые “The London Chronicle”, достигнув 45 тыс. ф.ст. А в конце второго десятилетия газета превратилась в общенациональное издание. Тогда “Times” поддержала оппозицию и выступила с критикой кабинета в связи с разгоном митинга в Манчестере в 1819 г. Газета резко осудила действия местных властей, вызвавших войска, результатом их действий стала смерть нескольких человек и ранение сотен участников митинга¹³.

Итак, публикация сведений о заседаниях парламента сыграла важную роль в росте числа газет, их тиражей и прибыли издателей. И в то же время газетный бум явился ярким свидетельством возрастающего интереса общества к действиям властей, речам парламентариев и тем самым возрастающей политизации общества.

Однако в силу специфики газет как средства информации они не могли удовлетворить читателей, желавших более обстоятельных публикаций, в которых освещались бы парламентские прения и решения. И в 1770-е годы появляются на свет специальные ежемесячные журналы, в которых печатались такие подробные материалы. В них затрагивались наиболее важные вопросы, обсуждавшиеся в обеих палатах, речи ведущих ораторов. Это позволяло публике составить более полное представление о работе парламента, позициях лидеров и ходе принятия законов, наконец, содержание самих законов.

В 1774 г. Дж. Элмон начал издавать ежемесячный журнал “The Parliamentary Register, or the History of the Proceedings and Debates of the House of Commons”, он стал одним из наиболее популярных изданий подобного характера и просуществовал вплоть до 1813 г., т.е. почти 40 лет. Публикация журнала явилась логическим этапом жизненного пути Элмона. Книготорговец и журналист, он заявил о себе рядом памфлетов, которые привлекли внимание и одобрение вигов. Они принесли ему покровительство влиятельного лорда Темпла и дружбу Дж. Уилкса. Его памфлет “История меньшинства последних лет” неоднократно переиздавался и разошелся в конечном итоге в нескольких тысячах экземпляров. С 1771 г. Элмон писал короткие заметки о парламентских дебатах в лондонских газетах, а через три года приступил к выпуску собственного издания. В 1781 г. он передал процветающее дело Джону Дебретту и удалился на покой. На страницах журнала относительно подробно освещались дебаты по наиболее важным вопросам. Также детально были представлены дебаты на страницах журнала “The Jockey Club; or a Sketch of the Manners of the Age”, но в ином духе. Изложение материала предвляло пространное предисловие издателя. А сами прения сохраняли отчасти завуалированную форму, когда фамилии ораторов довольно прозрачно обозначались несколькими буквами.

Менее подробно, но в объеме, достаточном для информирования читателя, дебаты освещались в изданиях “London Magazine” и “Parliamentary Magazine”. Издатели этих журналов стремились осветить наиболее важные события жизни общества, затрагивали и внешнеполитические аспекты. Там помещались рецензии на вышедшие книги, сведения о банкротствах, заключении браков, рождении наследников, смерти.

¹¹ Barker H. Newspapers: Politics and English Society. London, 1999, p. 256.

¹² И только 24 мая 1803 г. парламент принял решение, что двери галереи палаты будут открыты каждый день и журналисты смогут занимать там обычные места, которыми они до того пользовались не на всех заседаниях с 1770-х годов.

¹³ Айзенштадт М.П. Британский парламента..., с. 175.

Значимое место отводилось криминальной хронике. То же можно сказать и о “The New Annual Register, or General Repository of History, Politics and Literature”.

Деятельность и решения парламентского корпуса скупно освещались даже на страницах чисто литературного журнала Дж. Босвелла – “The Scots Magazine; or Literature, History, and Politics”, выходившего в Эдинбурге.

Краткий, далеко не полный перечень журналов, выходивших из печати в последней трети века, а также анализ помещенной на их страницах информации позволяют сделать дальнейшие обобщения и выводы. Соперничество, борьба за читателя возрастали. Даже в таком густонаселенном городе, как Лондон, не так велико было число людей, материальный достаток и грамотность которых делали бы их потенциальными покупателями изданий. Хотя часть тиражей и уходила в различные регионы королевства, издатели должны были считаться с настроениями и предпочтениями своих читателей. А вектор этих предпочтений был обусловлен повышенным интересом к действиям верховной власти. В XVIII в. Британия участвовала в ряде европейских войн – за испанское и австрийское наследство, Семилетней, войнах против революционной, затем наполеоновской Франции, сражалась с взбунтовавшимися колонистами в Северной Америке. Между тем развитие экономики, начавшаяся промышленная революция, бурное развитие европейской и заморской торговли являлись важным мотивом возрастания интереса к новостям. Учитывая то, что в силу ряда причин к концу века центр политической жизни королевства сосредоточился в парламенте, то парламентские дискуссии и решения приобрели особое значение.

Однако пресса не только отражает, но и формирует общественное мнение. Таким образом, не только финансисты, предприниматели и купцы, но и другие слои общества являлись потребителями информации государственного характера, обсуждая ее в салонах, клубах и кофейнях. Так пресса в целом и публикация парламентских материалов, которые приоткрывали завесу тайны над дебатами в обеих палатах, – в частности, превращались в важный фактор формирования британской идентичности. Вместе с тем потребность общества иметь представление о деятельности парламента становится значимым показателем тех изменений, которые происходили, а именно – возникновение сегментов гражданской и политической идентичности. А это значительно корректирует представление о британском обществе XVIII в. как обществе старого порядка, которое было выдвинуто Джонатаном Кларком. Хотя его концепция и получила поддержку специалистов, в том числе и отечественных историков, отдельные ее аспекты исследователями отвергнуты¹⁴.

Помимо прессы парламентские дискуссии освещались и в книжном формате. В 1742–1743 гг. выходит свет “История, и ведение дел палаты общин от Реставрации до настоящего времени” в 14 томах¹⁵. Издатель Ричард Чандлер опубликовал наиболее важные мнения, речи, решения и доклады. В предисловии Чандлер подчеркнул, что его труд не является ни историей, ни трактатом по истории парламента. Это взгляд на партии, характеристика речей избранников в контексте их практической деятельности. Такой подход, по его мнению, позволит избирателю составить верное суждение о сегодняшнем дне сквозь призму прошлого. Причины изложения материала со времени Реставрации он объяснял тем, что рассматривал ее как отдельный период в истории страны. Следующий период – от вступления на трон Вильгельма Оранского до кончины королевы Анны. А время от восшествия на престол Ганноверской династии, подчеркивал Чандлер, должно стать предметом исследований и размышлений будущих историков¹⁶.

Хотя сведений о Р. Чандлере не удалось разыскать, политические взгляды и симпатии становятся понятными из его слов о событиях середины XVII столетия. Их он

¹⁴ *Aÿzenumam M.П.* Британский парламент..., с. 10–12.

¹⁵ *Chandler R.* The History and the Proceedings of the House of Commons from the Restoration to the Present Times, v. 1–14. London, 1842.

¹⁶ *Ibid.*, v. 1, p. 6–7.

назвал революцией, а О. Кромвеля характеризовал как “великого” человека¹⁷. Позднее он издавал отдельными брошюрами отчеты о наиболее важных делах, рассматривавшихся парламентом. Среди них – полный отчет о “деле Джона Уилкса”¹⁸. Всё это позволяет рассматривать Чандлера как человека радикальных взглядов, а издание “Истории” как попытку разоблачения политики тори и вигов.

В 1790-х годах появилось четырехтомное издание, которое осуществил Уильям Вудфол. Это был отчет о дебатах, которые прошли в обеих палатах парламента¹⁹. Вудфол – потомственный печатник. После обучения работал в газете отца “The Public Advertiser”, а в 1769 г. основал собственное издание – газету “The Morning Chronicle”. Одним из первых он стал публиковать отчеты о парламентских дебатах. Присутствуя на заседаниях, Уильям запоминал речи ораторов, а затем по памяти, писал их. Передав дело, в 1789 г. Вудфол основал газету “Daily”, специально предназначенную для публикаций прошедших накануне прений. А уже затем он уже осуществил указанное выше издание²⁰.

Следующий важный шаг в публикации парламентских материалов связан с именем радикала – Уильяма Коббетта. Его личность и деятельность, по сути, не привлекали внимание отечественных историков. Между тем жизненный путь Коббетта мог бы стать занимательным сюжетом авантюрного романа. Он родился в 1763 г. в семье фермера, в 19 лет отправился в Лондон, затем завербовался в армию, в канадский полк, который вскоре отбыл в Новый Свет. Когда он вернулся в Англию, его стремление к разоблачениям стало поводом для обвинений в клевете, судебным процессам, присуждению высоких штрафов. Он дважды покидал родину, чтобы уклониться от их выплаты, и уезжал в Америку, а затем во Францию. В Америке начал публиковать памфлеты. После возвращения домой он продолжил журналистскую деятельность²¹. В 1802 г. Коббетт приступил к изданию собственной газеты “Political Register”. Коббетт и его газета впоследствии сыграли значительную роль в развертывании демократического движения за парламентскую реформу. В период его подъема после завершения наполеоновских войн Коббетт уменьшил размер газеты до размера памфлета, которые не облагались штемпельным сбором (налогом на прессу). Это позволило уменьшить цену на издание до 2 пенсов, и тогда малоимущие получили возможность покупать газету, где Коббетт вел активную пропаганду за реформу. Именно его агитация способствовала распространению представлений, что парламентская реформа решит все социально-экономические проблемы общества.

Дополнением к газете стал выпуск парламентских дебатов (1802), а уже их он дополнил многотомной “Парламентской историей Англии с 1066 г.”, нередко упоминаемой вместе с его именем. Эта “связка” названия и имени издателя сохранилась и поныне, несмотря на передачу Коббеттом права на издание и дебатов и истории Хэнсарду в 1812 г. И дело не только в том, что Коббетт являлся инициатором публикации парламентских дебатов. Суть такого соединения имени издателя и его детища состоит еще и в формате публикации прений, избранным Коббеттом и сохраненным впоследствии Хэнсардом. Парламентские прения печатались не в традиционном, книжном формате, как в журналах. На каждой странице отныне помещались две колонки мелкого шрифта. Любопытным представляется то, что некоторые исследователи, ссылаясь на опубликованные дебаты, нередко ставят col. (колонка). Но в содержании томов указана страница (page). Кроме того, в начале каждого тома публиковалось его содержание, а в конце – послания короля, некоторые петиции, а также состав кабинета. Эти

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ <http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id-mdp.39015062930139;viw-lup;sev-ig>.

¹⁹ An Impartial Report of the Debates, That Occur in the Two Houses of Parliament. London, v. 1–4.

²⁰ The London Star, 7.IV.1862.

²¹ Cole G.D.H. The Life of William Cobbett. London, 1924; Ingrams R. The Life and Adventures of William Cobbett. London, 2005, etc.

сведения после парламентских выборов дополнял список избранных депутатов с указанием округа, который он представлял. Таким образом, в “Парламентской истории” существенно расширилась информация о депутатском корпусе, кабинете министров, значительно подробнее освещалась полемика, проходившая в обеих палатах.

После парламентской реформы в 1832 г. У. Коббетт был избран в парламент. Ирония состояла в том, что человек, который издавал протоколы заседаний парламента отдельными томами, в нижней палате стал предметом насмешек депутатского корпуса. Это объяснялось тем, что он не знал процедуры заседаний и совершал немыслимые для парламентария ошибки.

“Парламентская история” была реконструирована У. Коббетом, в ее основу легли газетные и журнальные публикации, воспоминания современников. Его радикальные взгляды сказались не только на подборе материала, но уже в самом названии и выборе начальной даты парламентской истории²².

Итак, Томас Карсон Хэнсард (1776–1833) получил дело, находившееся на грани банкротства. К тому же издание массивных томов осуществлялось параллельно с газетными и журнальными публикациями. Хэнсард, потомственный издатель, одержал победу в конкурентной борьбе с журналом Дебретта, который прекратил свое существование в 1813 г., а также с “The Mirror of Parliament” Дж. Бэрроу (1828–1843). Журнал Бэрроу, надо отметить, был популярен, но не представлял собой серьезного соперника в адекватном освещении парламентских прений. Недостаток “The Mirror of Parliament” заключался в том, что издатель по своему усмотрению “обрезал” речи депутатов и в то же время позволял им исправлять уже произнесенные речи. Благодаря точности изложения публикаций Хэнсарда его издания завоевали популярность, и дело стало приносить ощутимую прибыль. С 1829 г. имя Хэнсарда появилось на титуле издания. (Нередко историки, ссылаясь на прения, указывают его имя, затем серию, том и страницу.) После смерти Томаса в 1833 г. дело продолжали его младшие братья, а затем сын. Хэнсарды стали официальными издателями дебатов, что было закреплено парламентским актом в 1840 г. Впоследствии сын Генри получил субсидию на издание и смог нанять собственных репортеров. В 1889 г. Генри прекратил издание дебатов как семейное дело. Но их публикация продолжалась. С 1909 г. это был уже полный отчет о каждой дискуссии, в то же время тома разделялись теперь по палатам и цвет издания сменился с оранжево-красного на синий. По мере обретения статуса доминиона заморские территории также стали издавать дебаты своих представительных органов под названием “Хэнсард”²³.

Указанные выше публикации едва ли исчерпывают издание парламентских материалов в книжном формате. Тем не менее с большой долей вероятности можно утверждать, что обращение профессиональных, наследственных издателей к их публикации свидетельствовало о дальнейшем возрастании интереса общества к наиболее полной информации о прениях в обеих палатах. Таким образом, спрос порождал предложение, принося ощутимую прибыль предпринимателям и удовлетворяя потребность в максимально подробных сведениях, содержащихся в одном (или нескольких) томе.

Помимо прений публиковались билли, а также доклады комитетов и комиссий. Со времен Средневековья в парламенте сложилась практика формирования комитетов для подготовки законопроектов, изучения какой-либо проблемы или ситуации и т.д. По крайней мере, с XVIII в. отчеты (доклады) этих комиссий публиковались в достаточно большом количестве экземпляров (видимо, размеры тиража несколько превышали численность депутатского корпуса – 558, а после заключения Унии с Ирландией – 658).

Неизбежно встает вопрос: каково значение всех перечисленных изданий в жизни британского общества, а впоследствии и для исследователей истории Британии?

²² Об исторических взглядах радикалов см. *Семенов С.Б.* Теория древней конституции в трудах радикальных авторов 60–80 гг. XVIII в. – Британия: история, культура, образование. Ярославль, 2008, с. 129–131.

²³ Подробнее см.: <http://www.commonwealth-hansard.org/chea-story.asp>

Несколькими наиболее яркими примерами попытаемся показать, как изменилась роль этих публикаций в XIX столетии.

Первый случай связан с принятием нового хлебного закона в 1815 г. Континентальная блокада, установленная Наполеоном, привела к существенным изменениям в сельском хозяйстве Британии. Сокращение импорта сопровождалось резким увеличением цен на зерно, а также расширением собственного производства. Фермеры начали использовать земли малопригодные для выращивания зерна, усилия оправдывались высокой ценой на рынке. Снятие блокады и поступление дешевого товара из Восточной Европы неминуемо грозило разорением землевладельцам, фермерам и арендаторам, составляющих подавляющую часть населения страны. Именно эти слои общества, направляя петиции, поставили перед парламентом вопрос о необходимости принятия срочных мер. 17 февраля нижняя палата приступила к обсуждению ситуации, грозившей коллапсом экономике страны. Представлявшие интересы землевладельцев депутаты намеревались сохранить цены на хлеб за счет повышения ввозных пошлин, несмотря на то, что эта мера закрепляла ненормальное положение в деревне. Однако она способствовала поддержанию уровня жизни многочисленной армии людей, трудившихся на земле, но заметно ухудшала положение горожан — как работников, так и предпринимателей, вынужденных сохранять относительно высокий уровень заработной платы, что вело к возрастанию цены выпускаемой продукции. Для городской бедноты высокие цены на основной продукт питания — хлеб — означали полуголодное существование. И уже с 23 февраля члены парламента начинают сообщать о петициях, поступавших из торгово-промышленных центров.

Этот протест приобрел новые черты по сравнению с предшествовавшим веком. В действиях горожан обозначилась большая организованность и оперативность выражения недовольства. Только 1 марта прошло первое чтение законопроекта. А уже 2 марта поступила петиция от жителей Бристолья с 40 тыс. подписей²⁴. 6 марта в парламент представлены петиции от Манчестера, под которой стояло 54 тыс. подписей, от Лондонского Сити — 40 тыс. (при этом подписи собраны только за один день), Лидса — 24 тыс., Саутворка — 7 500, Клепхема — 7 500 и т.д.²⁵ Реакция горожан свидетельствует о многом. Но главным образом необходимо отметить следующее. Сведения из Лондона о заседаниях парламента поступали, практически во все уголки страны довольно быстро по тем временам благодаря сети шоссейных дорог и налаженному сообщению. Таким образом, информация о парламентских заседаниях в газетах позволила оперативно откликнуться на обсуждение законопроекта в парламенте и выразить свое отношение к нему. Прохождение закона в парламенте спровоцировало беспорядки в Лондоне и других наиболее крупных городах, которые начались с 6 марта 1815 г.

Не менее ярко роль прессы проявилась в период борьбы за парламентскую реформу (1831–1832), когда печать подробно освещала парламентские прения и реакцию со стороны общества на них. Обсуждение биллей в парламенте (всего было рассмотрено три законопроекта) сопровождалось ростом напряженности в стране. Активизировались выступления сторонников и противников реформы. Радикалы устраивали шествия, проводили митинги, направляли петиции, число которых значительно превышало число обращений их противников. В дни наиболее важных заседаний около здания парламента собирались толпы лондонцев, стремившихся как можно быстрее узнать новости. Третье чтение очередного варианта билля завершилось в палате общин лишь в 5 часов утра, 23 марта он был утвержден ею. В связи с этим Политический союз Бирмингема организовал шествие, в котором участвовало до 100 тыс. чел.²⁶ Несомненно, такая оперативность общества была невозможна без ознакомления с газетными публикациями о ходе дискуссий. Участие ведущих изданий — “Times”, “Morning Chronicle”, “Globe” и др. — в борьбе за реформу способствовало увеличению тиража. Так,

²⁴ Parliament Debates, v. 29. London, 1815, p. 1173–1175.

²⁵ Ibid., v. 30. London, 1815, p. 6, 9, 11, 12.

²⁶ Северная пчела, 5, 6, 9, 10.II.1832; 1.III.1832; 1.IV.1832.

например, только “Times” весной 1832 г. продавалось на 25 тыс. экземпляров больше, чем в декабре 1831 г.²⁷ А увеличение тиража расширяло круг читателей за счет сельского населения. В источниках того времени встречаются сведения, как жители деревень отправляли ходока в ближайший город для покупки газеты²⁸.

О значимости публикаций о деятельности парламентского корпуса для избирателей свидетельствует и такой факт. Представителя влиятельного клана Ливсон-Гоуэров отказались переизбрать жители принадлежавшего клану “карманного” местечка на том основании, что его имя за весь срок деятельности предыдущего парламента ни разу не упоминалось в отчетах о прениях или работе комитетов.

Что касается отчетов комитетов, то одним из наиболее из них известных стал доклад М. Седлера. Комитет, который он возглавлял, изучал проблему детского труда на фабриках. Рабочие массами стекались в те места, куда приезжали члены комитета, чтобы дать показания. Подробности эксплуатации детского труда, собранные ими, после публикации потрясли общество. Теперь правительство уже не могло не предпринять мер по ограничению детского труда, несмотря на сопротивление владельцев фабрик²⁹.

Итак, в XIX столетии ясно обозначились новые черты в восприятии опубликованных парламентских материалов и той роли, которую они играли в общественной жизни. Потребность знать, что говорят представители депутатского корпуса и какие законы они принимают, дополнилась стремлением оказать влияние на законодательскую деятельность, проявить собственное отношение к ней. Это вне всякого сомнения являлось свидетельством углубления и расширения сегментов гражданской и политической идентичности.

И в заключение хотелось бы остановиться на значимости публикации парламентских прений в журналах “Парламентской истории” и “Парламентских дебатов” для исследователей. Парламентские прения можно характеризовать как верхушку айсберга, скрытыми “под водой” оставались закулисные переговоры, договоренности, взаимоотношения и т.д. Более того, необходимо учитывать недостатки журнальных материалов (неполнота и неточность освещения); вторичный характер “Истории” и “Дебатов”. Тем не менее они предоставляют исследователю широкие возможности изучения политической истории Британии, законодательской деятельности представителей депутатского корпуса: круга рассматриваемых вопросов, аргументации ораторов и партий, расстановки сил, личных взаимоотношений и др. Кроме того, различные сведения дополнительного порядка — указание петиций, состава кабинета, перечень избранных депутатов и тех округов, которые они представляли. Всё это дает богатый материал для исследования. В качестве примера можно сослаться на любопытные подробности состава первого пореформенного парламента. Так, большинство наиболее известных радикалов, боровшихся за реформу, в том числе ликвидацию “гнилых местечек”, было избрано именно от таких округов. А эта деталь добавляет штрихи к политическому портрету радикалов того времени.

Наконец, изучение парламентских прений день за днем, сессия за сессией позволяет уяснить умонастроение и мировосприятие парламентариев, а также приоритеты и ценности человека XVIII и XIX вв. Так, например, именно такое исследование дало бы возможность изучить мировоззрение, политические взгляды, отношение к принимаемым законам и т.д. репрезентативных групп: значительного слоя политически активного дворянства, а в последние десятилетия XIX в. и среднего класса.

²⁷ The History of “The Times”. London, 1935, v. 1, p. 245.

²⁸ Айзенштам М.П. Британский парламент..., с. 237–240.

²⁹ Там же, с. 275–276.